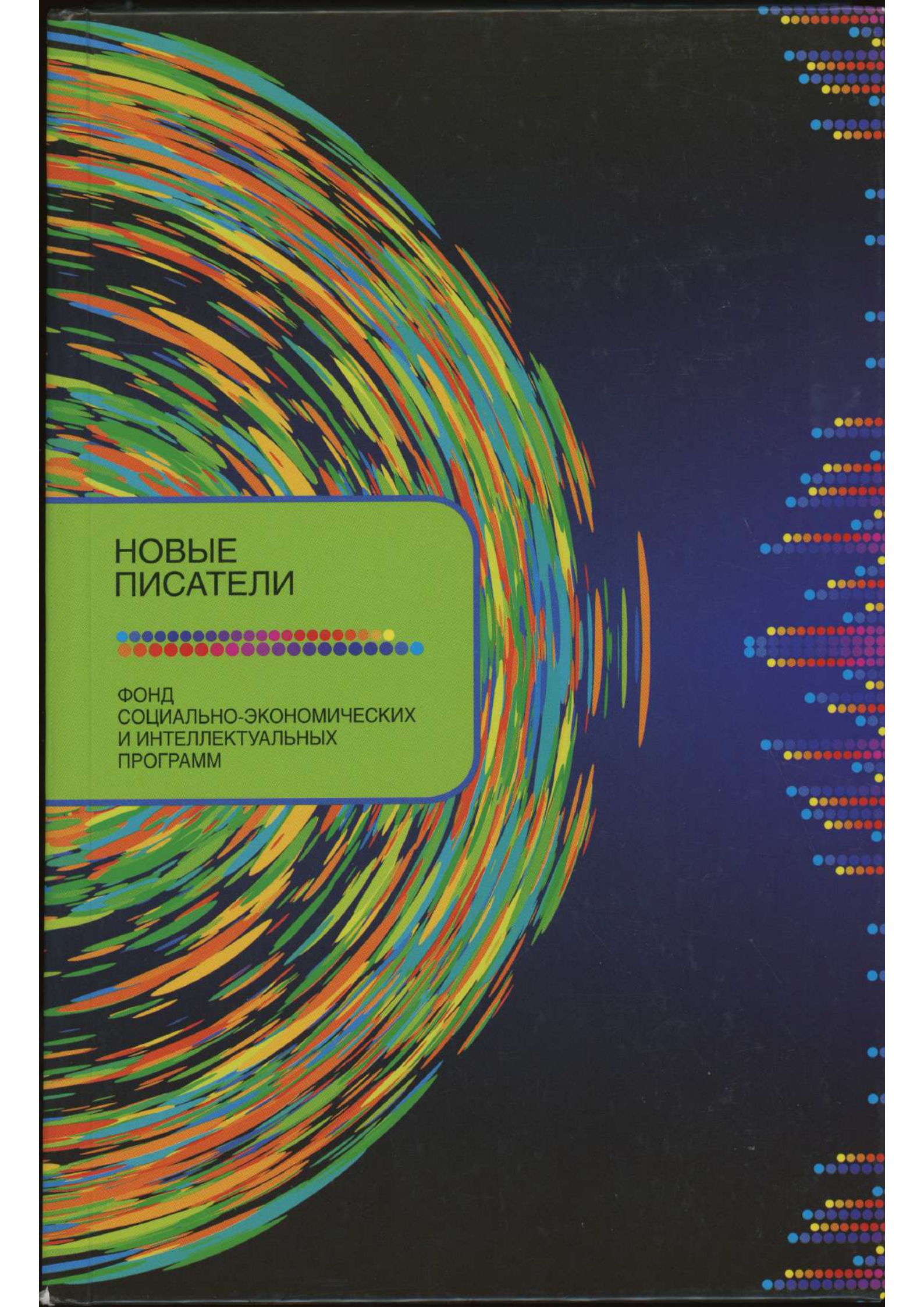

НОВЫЕ ПИСАТЕЛИ

ФОНД
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ПРОГРАММ

ФЁДОР ЕРМОШИН

РЫБА В ФОНТАНЕ

Рассказ

Сам рыбак в мережу попал.

Русская поговорка.

Был ясный день в череде майских праздников, и все его pupils разъехались кто куда. Он с удовольствием остался бы дома, но грех сегодня не повести малыша на прогулку. Вот и вышел с женой и сыном – размять спину, болевшую после долгого, многонедельного сидения.

Когда они шли вдоль зацветающей аллейки черемух, жена рядом, сын – схватив его за руку, подпрыгивая торопливыми маленькими шажками – слышался запах то ли крапивы, то ли малины, то ли шиповника, то ли зеленеющей травы. И он подумал: только летом такая полнота запахов. А зимой вспомнить будет трудно, пустота вместо обоняния...

И вдруг жена сказала, что вчера видела в фонтане этого двора огромную живую рыбу.

В самом деле, вскоре они подошли к простецкому небольшому фонтану, в середине которого возвышались примитивистские фигуры музыкантов. Он всмотрелся в мутную лужу. И увидел рыбу – одновременно с сыном, который пришел от этого в восторг.

Это был крупный, ему по локоть, карп.

Рыба медленно плавала по дну, жалась к каменной стенке, где было илистей, шевелила ртом; рефлекторно взмахивала хвостом среди окурков, плавающих бутылочных этикеток, пучков включенной травы, и молчала.

Кто-то сунул карпа в это болото, увидел в этом особую роскошь или изощренную издевку. Понимай как знаешь.

Они смотрели на рыбу, но надо было идти дальше.

Сын был просто зачарован зрелищем, он ведь столько раз играл в игрушечную рыбалочку.

Но отец не хотел смотреть, его воротило от этой картины. Он решил отвлечь внимание малыша болтовней про журнал о живой природе, который обещал ему.

Жена сказала:

– Лучше пойдемте к ларьку, сельдерею купим. Не надо, сынок.

Пока они шли к овощной палатке, отец мрачнел. Ему хотелось вернуться, как-нибудь вынуть рыбу из этого болота, бросить её в любой близлежащий водоем. Хотя он вовсе не был вегетарианцем, и замороженную, в холодильнике, ему раньше ведь не было жалко...

Но главное, он знал: стоит ему заикнуться о том, что карпа надо спасти, жена в очередной раз посчитает его за сумасшедшего, и прогулка будет испорчена: у её супруга очередная идея фикс.

И в какой такой «близлежащий водоем»? Разве что в Баранку? Но Баранка отсюда – километрах в пяти ходьбы. Нет, глупости, выбрось это из головы.

– Послушай, может, принесешь ведро, какое не жалко? – сказал он вдруг жене. – А я пока с малышом погуляю... Или сам схожу...

– Да не выдумывай ты, – ответила она, видимо размышляя о том же. – Неужели ты на самом деле собрался её оттуда вынимать? Как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Возьму ведро, она подплывет – я и зачерпну.

– Она ж не дура, лезть тебе в руки. И потом – куда её тащить? Ей вода нужна...

– Попытка не пытка, товарищ...

Сын, опять услышав про рыбу, уже влек его обратно: «Давай её вместе ловить! Давай?»

Жена, разумеется, обиделась:

– Ну, теперь ты его оттуда не оттащишь.

Постояли.

Она все-таки пошла за ведром.

Погода была хорошая, ясная. Тучи от Москвы если и будут, то только завтра, когда станут разгонять облака к парадной Победы.

Вскоре жена вернулась с квадратным пластмассовым ведром для мытья полов.

Он никогда не ловил рыбу.

Стоило ему первый раз болтануть ведром, как вялый, казалось, карп юрко, вертко рванул от него, прижался к подножью монумента в середине лужи и опять замер. Фонтан сильно брызгался, если подойти вплотную. От брызг несло тиной.

Самое обидное – беспомощность. Пока жены не было, рыба подплывала почти к бортику, – сын хлопал в ладоши; но сейчас рыбёха затаилась возле самой дальней, недостижимой стенки.

Ну, цирк: взрослый дядька копошится в фонтане с ведром, уже наполовину промокли рукава...

И это домашнее ведро – здесь, на улице, абсурд.

Он, гневаясь сам на себя, оглянулся, стал искать какой-нибудь большой камень, чтобы по нему шагнуть в фонтан, встать на него и выудить наконец этого карпа.

– Не сходи ты с ума! – устало сказала жена.

Но он шарил глазами по окрестностям – и возле детской горки увидел тяжелый цементный булыжник с арматуриной, потащил его...

Сын смотрел на это с интересом, пока мама не позвала его прокатиться с горки.

– Давайте, родные мои, я щас, – сказал отец.

Он вернулся к фонтану, стал думать, куда приладить камень.

И вдруг из-за близких кустов за памятником раздался невнятный медвежий голос.

Кусты раздвинулись.

Оттуда возник усатый дядька в зимнем камуфляже. Взгляду открылся широкий фанерный стол. А за столом сидели – шестеро? семеро? – разных поколений... И все они пили.

На столе лежала сухая мелкая рыбка.

Как же он мог не заметить их здесь.

– Ты зачем в фонтан камень хочешь?.. – сказал камуфляж пошатываясь. Видимо, он услышал разговоры. – Ты спросил, чья эта рыба?

– Просто...

– Просто даже кошки не е...тся. Гребни отсюда.

– Я хочу вынуть её, и отнести в водоем... Тут вода гнилая... – человек с ведром играл под простачка, но понял, что уже начинает оправдываться, испугался. Хотя и не отвел взгляд – а смотрел прямо в усы мужика.

Но камуфляж сказал лаконично:

– Е...и отсюда, не ты её покупал, не тебе её отсюда вынимать.

В этот момент из-за кустов поднялся другой, более агрессивный.

– Те чё здесь надо?

– Кто запустил рыбу?..

– Ну, я запустил, – снова ответил второй, злой, приткий. – И в прошлом году так делали, и в следующем будем. Всем нравится, детям радость.

– Никому это не нравится, это дикость. Давай я отнесу её в Баранку.

– Какую, на х.., Баранку...

– Ты местный? Ведь местный же? Пруд такой у нас есть...

Но парень с ведром увидел юркие и презрительные глаза сорокалетнего человека-подростка, и переменил тон:

– Я вообще разговариваю не с тобой, а с ним, – и подбородком указал на усатого.

Камуфляж подошел ближе, закрывая спиной от своего собутельника человека с ведром:

– Михалыч, он с женой, с дитем, я сам разберусь.

Но Михалыч с ненавистью и интересом подгрёб слева. В это время жена ловила малыша у подножия горки. Вроде, играют, увлеклись.

– Тебя как зовут? – спросил человек с ведром.

– Максим.

– Меня Федор, – и – в левое ведро – протянул правую дядьке с мелкими глазами, угреватым лицом.

– Я тебе не друг, – сказал тот.

Пахнуло алкоголем.

– А я тебе тоже, – сказал Фёдор, отступаясь. – Нельзя здесь рыбу держать... Издеваться. Это не дело...

Какой-то южный крепкий человек, сидевший спиной, повернулся складками лоснящегося спортивного костюма:

— Это я её купил, и она будет здесь... Потом в пруд выкинем. Иди.

— Значит, ты обещаешь? — как-то по-детски звонко сказал человек с ведром. — Это на твоей совести.

— И на твоей.

— Нет. Моя совесть тут ни при чем.

Ну, натурально — тимуровец, пионер, придурок...

Отец отступил от фонтана.

Вернулся к жене и сыну:

— И что? — спросила жена.

— Ничего...

— Ну, я ж говорю, что тут сделаешь...

Он понял, что она наблюдала за ним.

И он проиграл.

И что рыба подойдет. И будет валяться в фонтане. И никто её не уберет.

И он действительно просто повы..бывался. И его отшили.

И больше ничего.

Лучше бы они съели этого карпа прямо сейчас.

Тут он припомнил, что те же лица занимали этот фонтан и в прошлом году, пили водюру, жарили шашлыки, загорали, лежа на фонтанных бортиках. Рядом была поляна и детская площадка, играли дети, бродили мамы и папы с колясками, как бы не замечая пьяных...

— Пойдем все-таки купим сельдерея, — сказала жена. — И мороженого хочется.

— Ага, — сказал человек с ведром, побалтывая бесхозной тарой, и они пошли в направлении ларька, беседуя и дыша.

— И тебе, и тебе немножко дам! — сказала жена сыну, который тут же потянулся к ней, лопоча что-то свое.

И они шли. Сынок пел, рассказывал, задавал настоящие серьезные вопросы. Мать и отец удивлялись. Стрекотали воробы.

Но когда они подошли к ларьку, отец отделил две купюры из трехсот рублей, что были в кармане, остаток отдал жене:

— Знаешь что... Вы зелень возьмите, идите домой... Я щас... Если надо что-нибудь, я потом куплю...

И пока она не одумалась, почти побежал, побалтывая ведром.

Она окрикнула:

— Ты опять с ума сходишь?

Обернулся:

— Я щас.

И снова шел к фонтану.

Обращение к коллективу никогда не действует. Надо вынимать одного, и разговаривать с ним. Он подошел к мужику в защитной куртке, вплотную к столу, и сказал негромко:

— А если я тебе сто рублей дам, чтобы этого не было?... Я тебе, а ты мне рыбу.

— Засунь их себе в ж... — сказал камуфляжный, снова вставая.

Муравейник стола был потревожен. Человек с ведром сказал отчаянно:

— Это ты себе их засунь. А двести возьмешь?

— Ты что, не понял, ты нам щас уже полторы будешь должен, — сказал южный дядька, который теперь неподвижно сидел на бортике фонтана — на корточках, по-хозяйски, будто гадил.

— Вали отсюда, уе..ан, — скрипуче сказал какой-то старик на противоположном конце стола, с синяком под глазом.

Речь шла теперь не о рыбе, а о территории.

Осталось сказать вникуда:

— Рыба в гнилом фонтане. Кому от этого радость?

— Ну и пусть сгниет, птицы склюют, на х...! — камуфляжный сплюнул кость.

— Ладно, давай, бывай, — сказал человек с ведром.

И поскорей отошел.

Фонтан опустел. Мужики снова расселись за столом. Спрятавшись за железными музыкантами, человек с ведром тихонько стал вычерпывать рыбу. Но раздался предательский плеск встревоженной воды.

Карп ускорился, стал вилять. Поймать его невозможно.

Человек с ведром понял, что ему все равно не скрыться. Он отчаянно сиганул в фонтан, зачерпнул ботинками воду.

Попадал под струи фонтана, снова лез, лишь бы успеть схватить рыбу.

По бортику к нему приближался старик с синяком под глазом:

– Ты что, е..оквак, не понял!? Не тронь рыбу! Я тебя сейчас как дипломат сложу!

Парень, обороняясь ведром, выскочил из фонтана. Старик настиг его. За ним – надвигался более скоординированный, молодой, с плоским лицом и обширным грудаком, с лицом деревенского мотоциклиста:

– У, с..ка!

Дед – качнувшейся ногой пьяно спрыгнул с бортика фонтана. Удар. Парень подставил ведро. Пластмасса разлетелась в дребезги с одного удара. В руке остался тупой ломоть, обломанный трезубец. Двое – дед и молодой – навалились на пару. Но дед был впереди и мешал тому, кто сзади, шибанул в лицо, но человек без ведра резко ответил, у деда слетела кепка.

– Я же старик, ты что старика lupишь!

Откуда ни возьмись сзади показалась какая-то растрепанная баба, стала истошно, хрипло орать в пространство:

– Х..ярь отсюда, сука! Х..ярь!!

Осколки ведра валялись на земле. Молодой алкаш, с мутными глазами снова заработал крепкими руками. Очки в траве. Кепка тоже. Теперь человек без ведра оказался возле детской горки. Позади поле. Есть куда бежать. Но нельзя бежать.

– Давай, давай, – приговаривал он нервозно, видя, как на него наступает молодой.

Толстая баба орала с детской горки, тряся космами:

– Ты что, как обезьяна, прыгаешь?

Человеку без ведра показалось, что у неё огромный живот. Он крикнул ей в полубезумном аффекте, чтобы отвлечь внимание:

– Ты беременная, что ль?

– Беременно – это временно, на х.

Тут он понял, что это просто пивной живот...

А молодой, с плоским лицом, тем временем взял с земли пустую водочную бутылку, разбил о камень. И тревожно ухмыльнулся:

– Щас сделаю тебе улыбку от уха до уха, – и укрепил в руке горло бутылочной «розы».

Человек без ведра близоруко оглянулся. На лавочках чуть в отдалении сидели люди и безмолвно смотрели.

Повисла пауза.

И вдруг он увидел, что на горизонте маячат милицмейские формы.

«Роза» спряталась, сама собой упала.

Подошли полицейский и его напарница. Это казалось каким-то театром.

– Я сейчас все объясню, – запыхавшись, сказал человек без ведра. – Я единственный тут не выпимши. Поэтому я свидетель... – он говорил с одышкой. – Они запустили рыбу в фонтан, гнилой фонтан. Это свинство, понимаете?

– Так... Ну, а тебе-то что? Это что у тебя... ведро, что ль?

– Что ты прие..ался с этой рыбой?.. – встрял мутный парень. – Мы купили рыбу, запускаем. Выпиваем, на жизнь нажимаем.

– Понимаете, они здесь пьют, в фонтан запустили карпа. Вы видели фонтан?.. – бормотал человек без ведра, пытаясь собрать мысли в кучку.

– Так... Ты эту рыбу покупал? – закрыто сказал полицейский мокрому человеку.

– Нет.

– Ну и все. Е..и отсюда.

– То есть вы считаете, это нормально, когда рыба в фонтане, засранном, гнилом?

– Купили – имеют право.

– А мне не нравится, что в моем дворе устроили шалман.

– Это не твой двор, а общий двор. Мне тоже много чё не нравится, – сказал полицейский.

– Значит, то, что люди засунули туда рыбу – это по закону?

— По закону.
— А то, что бухают на детской площадке... по закону?
— Ага, — участковый устало сморгнул.
— Ясно. Вопросов нет.
— Выбрось в помойку свое ведро... — насмешливо сказал мент.

Рядом стояла сильно накрашенная девушка в кителе. Человек без ведра спросил у неё:

— Вы согласны?

Она молчала.

— Я понял...

По лавкам — сидели люди дееспособного возраста. Они продолжали наблюдать за происходящим, как если бы вокруг летали бабочки. Шел дым от сигарет.

Человек без ведра бросил в урну осколок, который судорожно сжимал в руке.

В мускулах жила усталость после адреналина.

Однажды тебе на бошку свалится кирпич.

Гринписовец, блин.

Ты ведь так ничего и не сделал. Только ещё и подрался.

Шел, хлопая ногами и носом.

Холодные штаны облегли в обlipку.

Поставил ботинки, набрякшие войлоком, на балкон, чтобы никто не видел позора.

Залез в ванну. Спрятался, чтобы не заметила жена. Тут только понял, что локоть раскровлен осколками от ведра. И скула болит — пропустил удар. Считай, легко отделался.

Нужно будет учиться открыто ходить мимо этого фонтана.

Он и будет ходить — до поздней осени, до зимы, пока они не съедят рыбу, побросают кости в воду, уйдут.

Молился.

Шумел душ.

Нужно уметь жить в родном городе.

Учиться дышать. Молчать. Жить.

Быть рыбой.

ТАТЬЯНА ИЛЬДИМИРОВА

ГЕНКА

Отрывок из рассказа

Восемь

Насилу пережив обильный полдник, который пыталась впахнуть в нас Надина бабушка, мы вернулись в свое убежище и нашли его оскверненным.

В уютном, обжитом нами домике, который для несведущих был всего лишь потрепанной брезентовой палаткой, разбитой позади дачного дома, побывал чужак — на ковре из старого фланелевого одеяла красовались грязные следы его кроссовок. Юный вандал не остановился ни перед чем: изувечил мою куклу Анжелу, лишив ее белокурой головы, разбросал набор «Маленькая модница», нарисовал рогатую рожу в книжке про Снежную королеву ценным огрызком розовой помады и в довершение всего слопал тайный запас ирисок, припрятанный на черный день.

Генка, сразу поняла я. Больше никому! Кто еще способен на такое вероломство, как не мой сводный десятилетний брат!

Со всех ног, шлепая сандалетами, я бросилась ябедничать отцу. Надя осталась голосить посреди разорения, как опытная плакальщица на похоронах.

Через пару часов Генка на стуле подсудимых умело изображал хорошего мальчика, но это его не спасло: тетя Галя лишила его карманных денег на неделю и заставила под ее присмотром полоть грядки и, классика жанра, красить забор. Отец же только сказал с упреком: «Геннадий! Твой поступок — нехороший», — и, стушевавшись, надолго ушел чинить дверь сарая.

Тем летом Генка проявил себя во всей красе, а я от всей души отвечала ему взаимностью. Зная, как я боюсь насекомых, он перетаскал в дом кучу этой гадости, от муравьев до шмеля, в самый неожиданный момент вынимая из широкий штанин очередной спичечный коробок. Я рассказала тете Гале,